

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ КОТ

Коты в деревне Хвостово на любой вкус: и чёрные, и пятнистые, и даже в яблоках, как лошади. Но самый из них необычный имеет внешность самую обыкновенную, серо-полосатую.

Живёт он в доме Егоровых, и сейчас Егоровы его уважают, даже им гордятся. Однако начало его жизни было трудное.

Нашли его дети, причём в капусте. У него только открылись глаза, и первое, что он увидел, был крупный белый кочан. Котёнок решил, что это его мать, и стал просить молока. Ничего не добившись от кочана, он громко замыкал. По жалобным звукам его нашли дети — их у Егоровых насчитывалось до шести человек: от двухлетней Маши до усатого Егора, которому на днях пришла повестка из военкомата. Дети принесли котёнка на кухню, накормили молоком и стали с ним играть. Но котёнок быстро уснул.

Тогда Егоровы стали думать, как его назвать.

- Васька!
- Барсик!
- Мурзик!
- Ся-ся! — сказала Маша.

Тут котёнок через силу открыл глаза и сердито посмотрел на Машу.

- Ему нравится! — сказал шестилетний Максим.

Котёнка назвали Сясей, хотя никто, кроме Маши, не знал такого слова. Максим назначил себя главным по уходу за котом.

Жизнь у Егоровых была дружная, но шумная. Они громко говорили, громко ели и даже спали громко. Особенно старалась бабушка Егоровых, которая на самом деле была Федотова, поскольку когда-то вышла замуж за Федотова. Но он, к счастью, давно помер. А то в доме было бы совсем не вернуться. И эта бабушка Федотова очень громко храпела. Даже громче деда Егорова, который тоже старался как мог.

Но хуже всего для Сяси были дети. Это ведь они нашли его и потому считали своей собственностью. Старики не спорили и только улыбались, глядя, как Маша пеленает Сясю в наволочку или как Максим наряжает его водолазом, запихивая в резиновую садовую перчатку и надевая на голову стакан.

До пяти месяцев Сяся терпел. Но потом в нём проснулись скрытые силы и природная гордость. Сяся порвал перчатку, разбил стакан, запечатлел на лице Максима красивый мужской шрам и сбежал на чердак. Максим заревел, а дед Егоров схватил палку и полез за Сясей.

Увидев эту палку, кот заметался среди сложенных на чердаке облезлых кресел и дырявых ковров. Шерсть у него встала дыбом, в воздухе запахло электричеством.

Чернеющий в чердачной двери силуэт Егорова шибанул палкой в кривой потолок и сказал:

— Ну, кошкин сын, держися!

С этими страшными словами Егоров запер дверь. Сяся заорал. Но кто мог ему помочь, если даже мать-капуста от него отказалась?

На чердаке наступили сумерки, в которых кота выдавали глаза, отражавшие проникающий сквозь щели свет.

Егоров протянул к Сясе страшную свою руку, и Сяся закрыл глаза, что надо было сделать гораздо раньше. Вдруг дед Егоров дёрнулся, странно мотнув головой, выронил палку и закричал совсем как Максим, но только басом:

— А-а-а!

Наэлектризованный креслами кот сразил Егорова электричеством. Егоров стал прыгать по чердаку, тряся рукою и пиная всё, до чего дотягивалась его нога. Так он допрыгал до двери и со всей силы пихнул её сапогом. Но первым наружу вылетел Сяся.

Он скатился по лестнице и огромными скачками понёсся к старому дубу за околицей. Белкой взлетел по стволу и спрятался в густой кроне резных листьев. Там он просидел до вечера, размышляя над тем, что, кажется, нашёл способ защиты от Егоровых.

Когда взошла луна, похожая на кошачий глаз, кот вернулся домой через форточку, попил молока и полез на печку к Максиму. Спящих детей он не боялся и даже любил. От Максима хорошо пахло молоком и хлебом.

Утром, как только проорал петух, Сяся юркнул в форточку и полез на чердак. Там кот принялся изо всех сил тереться о старый хлам, пока шерсть у него не стала торчком, как у живущего в соседней избе персидского кота Мурзы. Потом он спокойно спустился к крыльцу, сел возле и стал ждать.

Первым вышел оскорблённый электричеством Егоров-дед. Он открыл дверь, зевнул, потянулся, показав крупный, завязанный морским узлом пупок, и только потом посмотрел вниз.

— Та-ак! — протянул он, и рука его сама собой стала искать черенок швабры или метлы.

Сяся же спокойно прошёл меж его ног и сел у миски, намекая, что пора бы её наполнить.

Егоров-дед тревожно проследил путь кота, но с места не двигался. Он хорошо помнил, что случилось вчера, и снова оскорбиться электричеством не хотел.

Тут один за другим стали просыпаться Егоровы-дети.

— Ся-ся! — обрадовалась Маша.

Она стала искать заштопанную вчера матерью наволочку, но потом передумала: